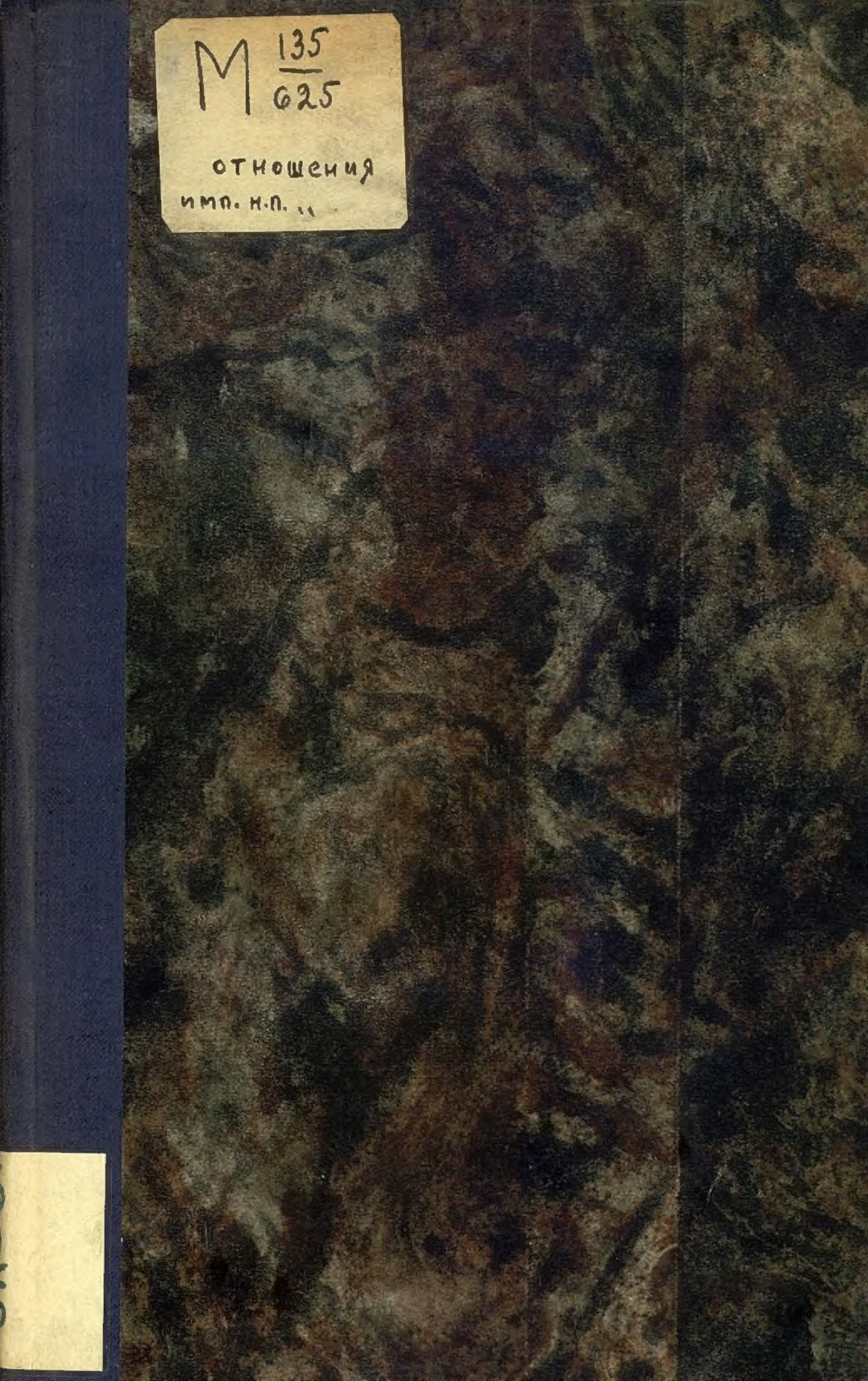


M 135/625
отношения
имп. н.п. ..


2007050009

ОТНОШЕНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КЪ СЕВАСТОПОЛЮ.

Оборона Севастополя сдѣлалась уже предметомъ народныхъ и солдатскихъ чтеній.

На ряду съ куликовской битвой, спасеніемъ Москвы въ 1612 году, Полтавой, Бородинымъ, она будетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывать и укрѣплять духъ русскаго народа. Но образъ Севастополя и его славныхъ защитниковъ останется не полонъ, пока не выяснятся отношенія къ нимъ верховнаго вождя и представителя всей тогдашней Россіи—Императора Николая Павловича.

Если оборона Севастополя возвысилась до героическаго подвига, то этому не мало содѣйствовали сила воли и величіе духа самого Императора Николая I. Онъ вдохновлялъ Севастополь, поддерживалъ его въ наиболѣе тяжкія минуты и непоколебимостью своего характера съумѣлъ обратить и Севастополь въ неодолимую твердыню.

Свидѣтельствомъ неразрывной, нравственной ихъ связи служитъ обширная собственноручная переписка покойнаго Государя съ главнокомандующими южною и крымскою арміями, княземъ Горчаковымъ и княземъ Меншиковымъ. Всѣхъ его писемъ, относящихся къ севастопольской эпохѣ, болѣе 50-ти. Съ сентября по 22-е декабря 1854 года, они писаны изъ Гатчины, гдѣ оставался дворъ по случаю тяжкой болѣзни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Съ конца же декабря переписка продолжалась изъ Петербурга и прекратилась лишь за 8 дней до кончины Императора.

Политическая и собственно военная сторона этой переписки не подлежитъ еще исторической оцѣнкѣ. Поэтому и здѣсь, вмѣсто цѣль-

ныхъ писемъ, приводятся лишь очень немногія изъ нихъ выписки. Но и онѣ совершенно достаточны, чтобы обозначить какъ общее отношеніе покойнаго Императора къ совершившемуся событію, такъ и личныя Его свойства: безусловную вѣру въ Провидѣніе, высокій патріотизмъ, прямоту, честность чувствъ и истинную любовь къ русскому солдату.

Не сопровождаемъ выписокъ никакими коментаріями; но чтобы было удобнѣе слѣдить за движеніемъ духа Императора, сохранимъ хронологическій порядокъ писемъ (*).

Гатчино, 12-го сентября 1854 года. (Первое письмо по полученіи отъ князя Меншикова извѣстій объ Альминскомъ сраженіи).

«Буди воля Божія; ты и твои подчиненные исполнили долгъ свой, какъ смогли; больно неудачи, но еще больнѣе потеря! Будемъ надѣяться на милость Божію и не терять надежды на свѣтлые дни. Но довѣріе Мое ни къ тебѣ, ни къ войскамъ не уменьшилось — авось, придетъ и наша очередь! Хорошимъ сему началомъ принимаю отлично придуманный тобой фланговый переходъ, которымъ ты вышелъ изъ отчаяннаго положенія и очутился тамъ, гдѣ, признаюсь, полагалъ, что настоящее твое мѣсто, гдѣ сообщенія твои свободны и съ подкрѣпленіями, и съ подвозами, тебѣ нужными; и что также весьма важно, откуда ты, въ свою очередь, угрожаешь флангу и даже тылу непріятеля. Опасаюсь очень за Севастополь; достаточенъ ли гарнизонъ будетъ противъ столь смѣлыхъ, предпріимчивыхъ непріятелей? долго ли въ состояніи будешь оборонять сѣверную сторону? Вотъ тяжелые вопросы, которые желалъ бы разрѣшить себѣ успокоительно....

«Прошу тебя, пиши Мнѣ чаще; Мое положеніе самое трудное и тяжелое; Мнѣ нужны частыя извѣстія, чтобы все сообразить и ко всему готовиться.

«Да благословитъ тебя Господь, и всѣ войска; скажи имъ, что Я по прежнему на нихъ надѣюсь и увѣренъ, что скоро Мнѣ вновь докажутъ, что упованіе Мое не напрасно. Пошли Мой поклонъ и благословеніе Корнилову и нашимъ храбрымъ морякамъ; ихъ положеніе Меня крайне озабочиваетъ. Богъ милостивъ, унывать мы не должны! Есть ли у тебя съ Севастополемъ какое либо еще сообщеніе?.... Обнимаю».

(*) Письма эти были помѣщены въ «Русскомъ Инвалидѣ» (См. №№ 79 и 80, 1873 г.) Въ виду высокого интереса этого драгоцѣннаго матеріала для исторіи, помѣщаемъ ихъ въ настоящей книжкѣ «Военнаго Сборника».

Ред.

Того же 12-го сентября. «Сейчасъ я получилъ твое второе донесеніе, любезный Меншиковъ, отъ 6-го числа, и ты можешь легко себѣ вообразить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаю послѣдствій. Моя надежда на милость Божію непоколебима, равно какъ довѣріе къ тебѣ и храбрымъ и вѣрнымъ войскамъ, сухопутнымъ и морскимъ. Вѣрю и надѣюсь, что возможное каждымъ исполнено будетъ, и засимъ спокойно ожидаю, что Всевышній Промыслъ опредѣлитъ.

«Ожидаемый новый десантъ у Ѳеодосіи Меня заботитъ....

«Ежели Богъ опредѣлилъ, что намъ Севастополь не спасти, надѣюсь, что флотъ даромъ не оставишь и самъ истребишь.... Тогда, экипажи снявъ, присоедини къ себѣ, и старайся или удержаться на южной сторонѣ, или пробиваться къ Симферополю....

«Да сохранитъ и подкрѣпитъ тебя Господь, а съ тобой и молодцовъ, тебѣ подчиненныхъ. Съ нами Богъ и буди Его святая воля.

«Всѣмъ нашимъ Мой поклонъ, отеческое благословеніе на предстоящіе подвиги и увѣренность въ общее усердіе. Богъ съ вами!»

20-го сентября. «Любезный Горчаковъ, ты снова предупредилъ, какъ видишь, желаніе Мое, рѣшась двинуть 10-ю и 11-ю дивизіи къ Одессѣ; нельзя было, кажется Мнѣ, лучше распорядиться; надѣюсь только, что ты велѣлъ 12-й дивизіи и резервной уланской, не останавливаясь въ Николаевѣ, поспѣшать на помощь къ Меншикову.... Тѣмъ болѣе считаю сіе необходимымъ, что время дорого.... Одна надежда еще на спасеніе Севастополя — въ скорѣйшемъ подкрѣпленіи Меншикова, такъ, чтобы онъ могъ съ надеждой успѣть перейти въ наступленіе....

«Надо благодарить Бога, что Меншикову удалось его трудное и отважное фланговое движеніе въ виду непріятеля: дѣлаетъ честь ему и столько же войскамъ, что послѣ неудачнаго дѣла и огромной потери начальниковъ, офицеровъ и самихъ людей, могли движеніе совершить въ столь примѣрномъ порядкѣ. Повторяю, слава Богу! Теперь что бы ни было, но корпусъ Меншикова имѣетъ свободное отступленіе, ежели не удастся даже спасти Севастополь. Признаюсь, Я предвидѣлъ гораздо худшее, то есть пропажу всего....

«Непріятель вторгся въ наши предѣлы, настало время всякому принести свою жертву на службу отечеству. Потому Я рѣшился послать Моихъ младшихъ двухъ сыновей къ тебѣ въ армію. Желаю, чтобы они прежде состояли при тебѣ, чтобы ознакомиться съ своимъ ремесломъ. Отъ тебя зависѣть будетъ ихъ послать туда, гдѣ оно имъ въ пользу быть можетъ, и гдѣ ихъ присутствіе послужитъ и

къ ободренію войскъ. Поручая ихъ тебѣ, Я тебѣ даю высшее доказательство моей дружбы и того уваженія, которое питаю къ твоимъ благороднымъ высокимъ чувствамъ, которыя цѣню въ тебѣ выше всего. Передай же ихъ имъ, пусть послужатъ со временемъ такъ, какъ ты.

«Богъ съ тобою, душевно обнимаю».

24-го сентября. «Сегодня, дошли до Меня два твоихъ донесенія, любезный Меншиковъ: утромъ, отъ 16-го числа—изъ Татаръ-Кіой; по-полудни—другое, отъ 18-го, изъ подъ Сѣвернаго укрѣпленія. Слава Богу, что угрожавшая Севастополю опасность съ сѣверной стороны отстранена; но подлежитъ рѣшенію, теперешнее положеніе не болѣе ли еще опасно городу, чѣмъ прежнее. Признаюсь, зная недостаточность обороны съ сухаго пути и слабость временныхъ укрѣпленій, невольно не могу отстранить крайнихъ опасеній. Вся надежда быть можетъ на одну милость Божію, храбрость войскъ и искусное пользованіе тѣми удобствами къ оборонѣ, которыя представляетъ мѣстность. Сколько знаю и помню ее, возможность упорно обороняться существуетъ, и Я увѣренъ, что ничего упущено не будетъ....

«Поклонись всѣмъ; скажи, чтобы не унывали; намъ самъ Богъ защита!».... Что ни случись, будемъ уповать и вѣровать и смиряться.

«Обнимаю душевно».

27-го сентября. «Вчера, поздно вечеромъ, получилъ Я твое донесеніе, любезный Меншиковъ, отъ 21-го, вечеромъ. Слава Богу, что покуда все шло благополучно; твой взглядъ на положеніе дѣлъ нахожу справедливымъ. Весь вопросъ въ томъ, удастся ли, по милосердію Божію, долго защищать Севастополь при способахъ, которые на то имѣются? Желалъ бы спокойнымъ быть на этотъ счетъ, но признаюсь, что опасаюсь, чтобы, не смотря на всѣ усилія и храбрость войскъ, способы атаки не одолѣли защиту.

Дай Богъ, чтобы Я ошибался.

. . . .

«Благодарю всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ-морякамъ, что Я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать; надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы — русскіе, защищаемъ родимый край и вѣру нашу, и предаться съ покорностью волѣ Божіей. Да хранитъ тебя и васъ всѣхъ Господь. Молитвы Мои за васъ и наше правое дѣло, а душа Моя и всѣ мысли съ вами. Душевно обнимаю.

«Поклонись Горчакову и обними Корнилова. Что наши раненые;

каково имъ; какъ призрѣны и гдѣ, и какъ обезопасилъ ихъ отъ бомбъ?»

27-го сентября (Изъ письма къ князю Горчакову)....... «Завтра благословлю въ походъ Моихъ младшихъ сыновей; думаю, что они къ тебѣ явиться могутъ 3-го или 5-го октября. Будь имъ руководитель и сдѣлай изъ нихъ добрыхъ, вѣрныхъ служивыхъ, а за усердіе ихъ отвѣчаю. Не балуй ихъ и говори имъ правду.»

30-го сентября. «Вчера, вечеромъ, Я получилъ твое донесеніе отъ 24-го сентября, любезный Меншиковъ. Ты такъ скупъ на подробности, что Я никакъ не въ состояніи судить о настоящемъ положеніи твоемъ, ни обороны Севастополя....

«Ежели Богъ, по милосердію, сохранитъ еще денъ восемь дѣла у Севастополя въ томъ же положеніи, Липранди съ прекрасной и надежной дивизіей будетъ у тебя, и тогда у тебя подъ рукой будетъ у Севастополя до 75-ти тысячъ человѣкъ. Будемъ молить Бога, чтобы удалось тебѣ употребить ихъ съ пользою и спасти Севастополь, флотъ и край. Не унывать никому, повторяю Я, доказать каждому, что мы тѣ же русскіе, которые отстояли Россію въ 1812 году.

«Богъ съ вами и всѣмъ мой поклонъ и надежда. Обнимаю.»

3-го октября (Изъ письма къ князю Меншикову).......«Газеты полны официіальныхъ донесеній про сраженіе при Альмѣ; тогда какъ отъ тебя, кромѣ четырехъ строкъ и словесныхъ разсказовъ Грейга и Альбединскаго, Я ничего не получилъ. Требую подробнаго и правдиваго донесенія; стыдно, что Я не въ состояніи о сю пору ничего отвѣчать на всѣ эти реляціи голосомъ истины; и здѣсь наше молчаніе никому, и справедливо, непонятно, а Мнѣ тягостно. Пора этому положить конецъ....

«Ничего не знаю про положеніе Квицинскаго и прочихъ нашихъ раненыхъ; пришли Мнѣ про всѣхъ свѣдѣніе, и про нижнихъ чиновъ, сколько отъ ранъ умерло, сколько увѣчныхъ, сколько выздоравливающихъ и сколько выздоровѣвшихъ......Радъ, что гвардейскіе татары имѣли случай показать себя, и ты хорошо сдѣлалъ, что наградилъ. Всѣхъ ободряй, возбуждай и Я увѣренъ, что скоро меня обрадуютъ добрыя вѣсти.... Богъ съ тобой и съ вами.

«Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди, котораго тебѣ особенно рекомендую.»

6-го октября. «Письмо твое отъ 30-го сентября Я получилъ вчера вечеромъ, любезный Горчаковъ; и сегодня утромъ прибылъ сынъ Меншикова отъ того же числа. Благодаря Бога, по 30-е число

ничего еще серьезнаго не произошло подъ Севастополемъ и потому, вѣроятно, посланные 12-я дивизія, уланы и драгуны еще во-время могли прибыть. Не менѣе того Я съ тобой совершенно согласенъ, что нельзя еще ни за что ручаться....

«Ежели радъ, что холера не распространилась въ Измаилѣ, то жалѣю очень о смертности въ Кишиневѣ. Увѣренъ, что ты примешь всѣ возможныя мѣры, чтобы ее остановить. Много ли выздоровѣвшихъ изъ другихъ госпиталей и поступаетъ въ ряды? Какія принялъ ты мѣры, чтобы каждыя прибывающія части изъ госпиталя достигали своихъ командъ? Не придется ли дальнихъ обращать въ ближайшіе резервы, дабы напрасно не утомлять дальними пересылками въ дурную пору.

«Богъ съ тобою, обнимаю душевно.

«Прошу за Меня обнять дѣтей.»

7-го и 8-го октября. «Сынъ твой прибылъ вчера рано утромъ, любезный Меншиковъ, и передалъ Мнѣ твои словесныя порученія. Слава Богу, что по 30-е число ничего не произошло и резервы могли къ тебѣ слѣдовать безпрепятственно. Свободное сообщеніе обезпечиваетъ твое продовольствіе, подвозъ парковъ и дальнѣйшее подкрѣпленіе, ежели бы нужнымъ оказалось. Кажется, по словамъ твоего сына, что мысли наши сошлись касательно тебѣ предстоящихъ дѣйствій......Постепенно наступать на непріятеля, укрѣпляясь на удобныхъ мѣстахъ, устраняетъ опасность, которой мы подвергались бы при болѣе отважномъ образѣ дѣйствій. Притомъ, молодое войско пристрѣливать, знакомить съ огнемъ, разохотить и беречь сколько можно, не утомляя, грѣя и кормя сколь можно лучше....

«Правда ли, что траншеи непріятель роетъ паровой машиной? Сынъ твой говорилъ Мнѣ про новый снарядъ, которымъ стрѣляли съ моря по городу. Вели прислать сюда одинъ или два таковыхъ для подробнаго осмотра....

«Я разрѣшилъ твое представленіе о переселеніи прибрежныхъ татаръ, къ чему вели приступить, когда удобнымъ найдешь, но обращая должное вниманіе, чтобы мѣра сія не обратилась въ гибель невиннымъ, т. е. женщинамъ и дѣтямъ и не была бы поводомъ къ злоупотребленіямъ....

«Напиши Мнѣ, много ли раненыхъ и больныхъ выписывается?...

«Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди; войскамъ Мой поклонъ и увѣренность, что каждый свято исполнитъ долгъ свой, какъ надлежитъ православнымъ русскимъ, защищающимъ край родной и святую вѣру. Никому не унывать; съ нами Богъ!

«Душевно обнимаю.

«Пришли Мнѣ одно англійское ружье, того образца, что вновь заведены у нихъ, нарѣзныя».

10-го октября. «Благодарю Бога, что по 4-е число ничего дурнаго не произошло. Ты знаешь уже изъ увѣдомленія Горчакова, что остальныя двѣ дивизіи 4-го корпуса слѣдуютъ къ тебѣ безостановочно и такимъ образомъ, любезный Меншиковъ, сдѣлано все, и смѣю сказать болѣе, чѣмъ почти можно было, чтобъ помочь тебѣ уничтожить замыслы вражьи. Остается молить Бога, чтобъ это послѣднее уже подкрѣпленіе достигло еще во-время, чтобы спасти Севастополь....

«Теперь долженъ тебѣ откровенно признаться, что, писавъ тебѣ уже не разъ про необходимость Мнѣ знать, что происходитъ, и прождавъ цѣлый мѣсяцъ подробнаго донесенія о сраженіи при Альмѣ, Мнѣ крайне было странно и непріятно вчера ничего подобнаго не получить отъ тебя, вопреки даннаго Мною тебѣ приказанія.... Ты Меня ставишь въ лицѣ Россіи въ самое непріятное положеніе, ибо всякій знаетъ Мою откровенность и что не въ обычаѣ Моемъ скрывать истину, какъ бы ни была горька. Теперь же никто не понимаетъ причины Моего страннаго и никому непонятнаго молчанія, тогда какъ всѣ иностранныя газеты полны самыхъ мелочныхъ подробностей всего, что происходило у непріятеля и частью у насъ. Мы же все молчимъ и даже не въ состояніи отвѣчать на все это. Никто не подозрѣваетъ, что причиной сему то, что Я самъ отъ тебя ничего не знаю, какъ словесно. Сознайся, любезный Меншиковъ, что тутъ нѣтъ приличія и что на тебя не похоже ставить Меня въ столь непріятное положеніе. Итакъ, въ послѣдній разъ прошу и приказываю тебѣ писать Мнѣ подробно все. Мнѣ одному подобаетъ рѣшить, что подлежитъ тайнѣ или слѣдуетъ сдѣлать гласнымъ, а никому другому.

«Повторяю вопросъ Мой о раненыхъ, много ли умерло, много ли выздоровѣло и поступило во фронтъ, много ли выздоравливающихъ, сколько увѣчныхъ. Пришли списки убитымъ и умершимъ штабъ и оберъ-офицерамъ....

«Полушубки велѣлъ готовить для твоихъ войскъ. Корми вдоволь; давай двойныя чарки водки, коль нужно; ободряй, грѣй и береги войска; подымай въ нихъ духъ, объявя, что Я ими доволенъ и надѣюсь на всѣхъ.

«Обнимаю душевно».

11-го октября. (По полученіи донесенія объ исходѣ первой

бомбардировки). «Сейчасъ получилъ твои два донесенія, любезный Меншиковъ, отъ 5-го и 6-го чиселъ. Слава Богу, слава героямъ, защитникамъ Севастополя! Первое покушеніе отбито со славой; будемъ надѣяться на милость Божію и впредь!

«Благодари всѣхъ и каждаго за то, что мое довѣріе оправдываютъ; Мнѣ-ли не знать, что могутъ наши молодцы! Сухопутные и морскіе, соперники въ вѣрности долгу, въ христіанской храбрости и въ геройствѣ! Такъ искони было, такъ искони будетъ! Передай Мои слова съ Моей благодарностью, могу сказать Отцовскою, потому что ихъ всѣхъ люблю какъ дорогихъ родныхъ дѣтей.

«Славная смерть нашего любезнаго, почтеннаго Корнилова Меня глубоко огорчила; миръ праху его! Вели положить рядомъ съ незабвеннымъ Лазаревымъ. Когда доживемъ до спокойныхъ временъ, поставимъ памятникъ на мѣстѣ, гдѣ убитъ; и бастіонъ называть по немъ»....

....«Чисто непонятно Мнѣ, какъ батар. № 10-го могла уцѣлѣть. Думаю, что командиръ ея заслужилъ Георгія 4. Вели собрать при досугѣ думу и опредѣли кому справедливо дать; прислугѣ этой батареи дай по 3 руб. на человѣка, а прочимъ всѣмъ, въ дѣлѣ бывшимъ, по 2 руб. Да сверхъ тобой данныхъ крестовъ нижнимъ чинамъ, дай еще отъ Меня по 5 на батарею».

«Богъ съ вами, да хранитъ васъ Господь и да даетъ православнымъ побѣду надъ врагами....

«На вѣки твой искренно доброжелательный».

14-го октября. «Благодарю, любезный Горчаковъ, за письмо твое 7-го октября. Я душевно радуюсь, что мысли наши столь часто сходятся до того, какъ бы мы съ тобою могли сговариваться».

....«Раздѣляю взглядъ твой на образъ дѣйствій, который избрать должно въ Крыму при теперешнихъ обстоятельствахъ»....

«Сегодня утромъ получилъ донесеніе Меншикова отъ 8-го на 9-е; осада продолжалась сильно, но безъ большихъ поврежденій у насъ; съ моря новой атаки не было; Меншиковъ ожидалъ скоро штурма и усилилъ гарнизонъ до 38,000, имѣя при себѣ до 25,000, кромѣ кавалеріи. Всѣ усилія непріятеля, какъ и предвидѣть должно, были обращены на слабѣйшую сторону. Меншиковъ полагалъ отстаиваться, не считая возможнымъ атаковать до прихода 10-й и 11-й дивизій. Онъ опасался недостатка въ снарядахъ, при огромной ихъ тратѣ. Опасаюсь очень, чтобы приходъ сихъ двухъ дивизій не былъ бы позденъ. Все зависитъ отъ усилій непріятеля и храбрости защи-

щающихся войскъ въ случаѣ штурма, на которую Я смѣло надѣюсь, ежели ихъ вести будутъ умѣть. Невѣроятно, чтобы все не кончилось въ тѣ 23 или 25 дней, которые протечь должны въ мучительномъ ожиданіи прибытія послѣдняго подкрѣпленія. Одинъ Богъ милосердый можетъ насъ спасти отъ угрожающей крайней опасности Севастополю.

«Полагаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы ты Моихъ рекрутъ (*) не медля отправилъ въ Крымъ, къ Меншикову, съ тѣмъ, чтобы они тамъ оставались при немъ до минованія опасности, или до изгнанія непріятеля; потомъ же чтобъ воротились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не Моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой подавать примѣръ другимъ. Итакъ, съ Богомъ, вели имъ отправиться туда.

«Прощай, обнимаю душевно; да хранитъ тебя Господь.

«Обними Моихъ рекрутъ и благослови въ путь, и всѣмъ нашимъ поклонись».

14-го октября. «Рано утромъ получилъ твое донесеніе отъ 8-го вечеромъ, любезный Меншиковъ. Вполнѣ одобряю твой взглядъ на твое положеніе. На авось ничего; идти на вѣрное. Полагаюсь совершенно на тебя, на усердіе и храбрость всѣхъ, съ генераловъ и адмираловъ до солдатъ и матросовъ, и увѣренъ, что русскимъ героямъ невозможнаго нѣтъ, и всякій исполнитъ свой долгъ. Затѣмъ, что Богъ опредѣлитъ, тому и быть; безропотно покоримся Его волѣ. Не скрою Мое опасеніе, что искусно ведомая атака съ огромными силами, не въ мѣру способамъ защиты, которую представляютъ наши временные окопы....

«Ежели опредѣлено свыше не спасти Севастополя, не терять духа, но собравъ остатки гарнизона, надо съ нимъ отступить къ прибывшимъ резервамъ и, устроясь на удобной позиціи, не дать время укрѣпиться въ Севастополѣ, но сейчасъ же стараться выбить непріятеля....

«Сыновьямъ Николаю и Михаилу Моимъ, дозволилъ Я ѣхать къ тебѣ; пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень Моей довѣренности; пусть дѣти учатся дѣлить опасности ваши и примѣромъ своимъ служатъ ободреніемъ храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ ихъ Я ввѣряю.

«Обнимаю отъ души; да хранитъ тебя и васъ всѣхъ милосердый Богъ.

(*) Великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

«Сегодня отслужили мы панихиду по почтенномъ героѣ Корниловѣ и горько плакали. Царство ему небесное».

16-го октября. «Донесеніе твое отъ 11-го числа, любезный Меншиковъ, получилъ сегодня вечеромъ. Геройская оборона, столь успѣшно продолжающаяся и частные случаи молодечества изумительнаго Меня восхищаютъ; тѣмъ было бы Мнѣ горестнѣе, ежелибъ всѣ эти примѣрныя усилія несравненныхъ нашихъ войскъ, должны были кончиться тѣмъ, чтобъ мы бросили Севастополь, перейдя на сѣверную сторону.

«Когда дойдутъ 10-я и 11-я дивизіи, надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ найдешь возможность нанесть ударъ непріятелю, чтобы поддержать честь оружія нашего....

«Благодарю всѣхъ и каждаго за ихъ богатырскій духъ, за ихъ вѣрную службу, и скажи всѣмъ, что одного жалѣю, что Я не съ вами, за то дѣти Мои среди васъ будутъ.

«Обнимаю отъ души».

19-го октября. (По полученіи извѣстія о занятіи Чоргунской позиціи). «Славу Богу! слава тебѣ и сподвижникамъ твоимъ, слава героямъ богатырямъ нашимъ за прекрасное начало наступательныхъ дѣйствій. Благодарю тебя, любезный Меншиковъ, что предугадалъ Мою волю, объявивъ Мое спасибо войскамъ молодцамъ; оно ими вполнѣ заслужено.... Не менѣе счастливитъ Меня геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣру еще не бывало. Я счастливъ, что, зная Моихъ моряковъ черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго, былъ увѣренъ, что эти несравненные молодцы вновь себя покажутъ какими всегда были и на морѣ, и на сушѣ. Вели имъ сказать всѣмъ, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится и всѣхъ отцовски благодаритъ, какъ Своихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей. Передай имъ эти слова въ приказѣ, а флигель-адъютанту князю Голицыну велѣлъ объѣхать всѣ экипажи съ Моимъ поклономъ и благодарностью....

«Вѣроятно, дѣти Мои прибудутъ еще во-время, чтобъ участвовать въ готовящемся; поручаю тебѣ ихъ; надѣюсь, что они покажутся достойными своего званія; ввѣряю ихъ войскамъ, въ доказательство Моей любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ Меня.

«Да хранитъ васъ Господь Великосердый!

«Обнимаю тебя душевно; Мой искренній поклонъ всѣмъ. Липранди обними за Меня за славное начало.

«Поблагодари отъ Меня въ особенности сводный резервный уланскій полкъ, столь молодецки обновившій свою службу; значитъ дѣти пойдутъ по слѣдамъ отцовъ».

31-го октября. (Послѣ Инкермана). «Не унывать, любезный Меншиковъ, начальствуя севастопольскими героями, имѣя въ своемъ распоряженіи 80 тысячъ отличнаго войска, вновь доказавшаго, что нѣтъ ему невозможнаго, лишь бы вели его какъ слѣдуетъ и куда должно; съ такими молодцами было бы стыдно и думать объ конечной неудачѣ! Скажи вновь всѣмъ, что Я ими доволенъ и благодарю за прямо-русскій духъ, который надѣюсь никогда въ нихъ не измѣнится. Ежели удачи досель не было, какъ мы смѣли ожидать, то Богъ милостивъ, она быть еще можетъ....

«Бросить же Севастополь, покуда есть еще 80 тысячъ въ немъ и подъ нимъ стоящихъ, еще живыхъ, было бы постыдно и помышлять; значило бы забыть долгъ, забыть стыдъ и не быть русскими, потому этого и быть не можетъ, и Я не допускаю сего даже и въ мысляхъ. Пасть съ честью, но не сдавать и не бросать.

«Больше не пишу, ибо не знаю, что и писать. Я счастливъ, что Богъ сохранилъ Моихъ двухъ рекрутъ и что они себя показали, какъ и долгъ, и званіе требовали. Кончаю чѣмъ началъ—не унывать никому, а тебѣ, вождю, менѣе всякаго другаго, ибо на тебя всѣ глаза, и твой примѣръ другихъ долженъ увлекать къ исполненію долга до послѣдней крайности. Да хранитъ васъ Богъ.

«Душевно обнимаю».

2-го ноября. (Изъ письма къ князю Меншикову)..... «Соображая, что̀ быть можетъ, думаю, что отбивъ штурмъ, съ помощью Божіею, надо готовиться сейчасъ же всѣми силами атаковать....

«Пекись объ раненыхъ ради Бога и призри ихъ сколько можно....

«Ободряй войска, говори съ ними Моимъ именемъ, благодари ихъ, чтобъ знали, что ты уважаешь ихъ заслуги и доводишь до меня ихъ подвиги. Представляй скорѣе къ наградамъ отличившихся.

«Обнимаю.

«Ежели ты доволенъ Моими ребятами, то вручи имъ обоимъ Георгіевскіе кресты 4-й степени».

7-го ноября. «Донесеніе твое отъ 31-го октября дошло до Меня сегодня вечеромъ, любезный Меншиковъ. Слава Богу, что дурнаго покуда ничего не было. Съ большимъ удовольствіемъ слышу отъ тебя, что ты вполнѣ доволенъ духомъ войскъ, въ которомъ мнѣ бы

грѣшно было и когда либо усомниться. Желательно весьма, чтобъ явился удобный случай войску показать на дѣлѣ, что оно можетъ, когда храбрость его и ни съ чѣмъ несравненное усердіе будутъ употреблены удачнымъ образомъ....

«Слава Богу, что наши раненые поправляются; не престану просить тебя все возможное дѣлать для ихъ успокоенія.

«Съ радостію читалъ я твое лестное представленіе о Моихъ сыновьяхъ; Я счастливъ, какъ Отецъ, что они оправдываютъ Мои ожиданія. Въ Моемъ послѣднемъ письмѣ Я тебѣ разрѣшилъ уже украсить ихъ, ежели того достойными находишь. Но справедливо и другихъ отличившихся не забывать; прошу тебя, поторопись представить достойныхъ, которыхъ ты еще самъ не наградилъ по предоставленной тебѣ власти.

«Полагаю, что князь Горчаковъ не затруднится двинуть къ тебѣ, что еще можно, изъ Николаева. Но не забудь, что за этимъ уже ничего нѣтъ. Крайне жаль будетъ этотъ послѣдній резервъ истощить, ибо онъ одинъ въ виду до лѣта для пополненія твоихъ войскъ. Что же будетъ еще впереди—одинъ Богъ знаетъ.

«Какъ жаль, что нѣтъ случая твоей славной кавалеріи отличиться. Былъ бы случай, она бы чудеса надѣлала.

«Не унывай, крѣпись, ободряй всѣхъ своимъ примѣромъ и будемъ надѣяться на милость Божію.

«Обнимаю».

14-го—15-го ноября. «Донесеніе твое, отъ 6-го ноября, получилъ я сегодня, утромъ, любезный Меншиковъ. Слава Богу! Оно гораздо утѣшительнѣе предшествовавшихъ. Надо благодарить Всевышняго за помощь, столь явно оказанную бывшей 2-го числа бурей; кажется, послѣдствія были гораздо пагубнѣе для враговъ нашихъ, чѣмъ мы сами полагать могли; любопытно знать, что у нихъ происходило отъ Балаклавы до Херсонеса; вѣроятно, не дешевле обошлось тамъ, чѣмъ въ виду нашемъ. То уже хорошо, что гарнизонъ могъ хотя немного перевесть духъ, послѣ мѣсячной неутомимой бомбардировки....

«Пожалуй, не забудь представлять объ наградахъ; пора воздать по заслугамъ».

23-го ноября. (Въ отвѣтъ на донесеніе князя Меншикова отъ 15-го ноября). «Съ удовольствіемъ вижу, что надежда твоя на сохраненіе Севастополя не исчезла, и что, по прежнему, геройскій, молодецкій духъ всѣхъ войскъ возрастаетъ въ мѣрѣ угрожающей опасности. Грѣшно бы Мнѣ было въ этомъ усомниться, но сердце

бьется, читая разсказъ объ этомъ; хотѣлось бы къ вамъ летѣть и дѣлить участь общую, а не здѣсь томиться безпрестанными тревогами всѣхъ родовъ.

. . . .

«Благодарю тебя, что ты не упустилъ наградить главныхъ виновниковъ подвиговъ 24-го числа, нашихъ молодецкихъ солдатиковъ; не могъ безъ слезъ читать, что дѣти Мнѣ про нихъ пишутъ и Стюрлеръ разсказывалъ про матросовъ; что за богатыри! Награждай ихъ щедро и часто, они точно сего заслуживаютъ; да и объ офицерахъ желаю представленія.

«Теперь что Богу угодно, будемъ смиренно ждать и покоримся Его святой волѣ. Богъ съ тобой и съ вами. Обнимаю».

27-го ноября. «Благодарю, любезный Меншиковъ, что поспѣшилъ Меня успокоить на счетъ крайнихъ Моихъ опасеній объ недостаткѣ пороха; кажется, что теперь эта важная статья обезпечена. Надѣюсь, по твоимъ словамъ, что мы въ состояніи будемъ не уступить непріятельскому огню, ежели бъ возобновился съ прежней силой, чего весьма ожидаю. Изъ всего, что отъ тебя получаю, и того, что съ другихъ сторонъ доходитъ сюда, Я все болѣе убѣждаюсь, что планъ враговъ: выигрывать время, перетерпѣть, доколь не удвоятся ихъ силы всѣмъ, что безостановочно къ нимъ посылается, и до собранія всѣхъ способовъ медлить, а потомъ возобновить, можетъ быть съ удвоенною яростью, и бомбардировку, а быть можетъ и атаку съ трехъ сторонъ....

«Очень важно сберечь сколько можно войска, т. е. кормить вдоволь, лишне не утомлять и пріютить, сколь возможно лучше и снабдя полушубками. Комплектованіе сколько можно буду стараться подвигать....

«Теперь долженъ обратиться къ другому и для Меня тяжелому дѣлу. Здоровье жены до того разстроено, что она не встаетъ съ кровати, слабость не помѣрна. Все это усилилось съ отъѣзда дѣтей. Отрадно было бы Ей ихъ обнять. Это возможнымъ нахожу только въ томъ случаѣ, ежели военныя дѣйствія не возобновились дѣятельно и ежели не предвидится скоро рѣшительнаго дѣйствія. Наконецъ, ежели и всего этого нѣтъ, вліяніе ихъ возвращенія не произведетъ дурнаго впечатлѣнія на духъ войскъ... Ежели всего этого нѣтъ, то дозволь имъ ѣхать къ Намъ.

29-го ноября. (Ему же)..... «Считаю справедливымъ велѣть тебѣ объявить всѣмъ войскамъ, составляющимъ другой мѣсяцъ гарнизонъ Севастополя, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, что въ при-

знательность за ихъ безпримѣрное мужество, усердіе и труды въ теченіе сего времени, Я велѣлъ имъ зачесть каждый мѣсяцъ за годъ службы по всѣмъ правамъ и преимуществамъ. Они этого вполнѣ заслуживаютъ, и объяви это на 6-е декабря. Ты скупъ представлять объ наградахъ; прошу тебя, дай мнѣ радость наградить достойныхъ.

«Отбитые штуцера хорошо бы раздать въ морскіе экипажи. Напиши Мнѣ, много ли раненыхъ возвратилось во фронтъ и сколько увѣчныхъ осталось, сколько умершихъ и сколько подающихъ надежду на выздоровленіе?»

5-го декабря. «Третьяго-дня, вечеромъ, Я получилъ твое донесеніе отъ 26-го ноября, любезный Меншиковъ. Съ удовольствіемъ Я утвердилъ всѣ твои представленія о наградахъ; достойнымъ заслуженное; и прошу тебя представляй отличныхъ чаще, ибо когда же награждать, ежели не въ подобное время, и не повышать молодыхъ, обѣщающихъ офицеровъ, которымъ надо открыть ходъ....

.... «Хорошо ли наши стоятъ? тепло ли, сыты ли? доходитъ ли фуражъ до кавалеріи? Что съ больными и ранеными?»

С.-Петербургъ, *29-го декабря* (*). «Напиши Мнѣ, въ какой степени продовольствіе войскъ обезпечено и на долго ли?

«Отчего драгунскіе полки вдругъ начали значительно слабѣть? Достаетъ ли фуража?»

5-го января.... «Надѣюсь, что наши войска не терпятъ отъ нея (погоды), ибо мы зимы не боимся. Лишь бы удалось хорошо кормить и для того не щади ни трудовъ, ни издержекъ, дабы непремѣнно люди были сыты вдоволь. Прибавить можно водки; хорошо бы и збитень завести, было бы изъ чего.

«Что съ больными и ранеными, много ли воротилось. Правда ли, что появился тифусъ? Боюсь у союзниковъ чумы.

«При полученіи этого письма, дѣти будутъ у тебя; обними ихъ за Меня. Сакену и всѣмъ мой поклонъ. Да хранитъ васъ Господь. Душевно обнимаю.»

20-го января.... «Радуюсь, что часть твоихъ резервовъ пришла и пополнила нѣсколько ряды. Слава Богу, изъ колоній пошли къ тебѣ слишкомъ 700 выздоровѣвшихъ героевъ послѣ ранъ; это золото!»

24-го января.... «Думаю съ тобою, что надо позаботиться съ порожними повозками отсылать больныхъ, тепло одѣтыхъ въ тулупы

(*) Эта и всѣ послѣдующія выписки изъ писемъ къ князю Меншикову.

и покрытыхъ чѣмъ можно, въ дальніе госпитали изъ ближнихъ, чтобы достало мѣста для раненыхъ въ случаѣ боя....

«Повторяю, не ожидаю отнюдь мира. Необходимо готовиться къ величайшимъ усиліямъ враговъ на Крымъ. Все, что можно направить къ тебѣ на усиленіе, уже послано или на походѣ. Съ прибытіемъ всего же будешь достаточно силенъ, чтобы отбить непріятеля; въ этомъ Мнѣ порукою духъ войскъ и вождей; безсовѣстно, несправедливо было бы Мнѣ въ томъ сомнѣваться, и мысли подобной во Мнѣ не бывало. Прошедшее доказываетъ мнѣ, что Мои ожиданія не напрасны. За симъ буди воля Божія....

«Сейчасъ получилъ по телеграфу изъ Кіева твое донесеніе, отъ 20-го января; слава Богу, что минера открыли. Мое предчувствіе сбылось.

«Надѣюсь, что наши минеры себя выкажутъ молодцами; думаю, что не надо терять время камуфлетомъ остановить работу.... Вѣроятно, что не одной галереей подвигаются, а навѣрное двумя. Славная практика для нашихъ молодцовъ минеръ; надѣюсь, что себя покажутъ Мои товарищи, какими ихъ зналъ. Награждай щедро.

«Спасибо за новую удачную вылазку; прекрасно; продолжай ихъ мучить до поры до времени, а потомъ—съ Богомъ».

31-го января.... «Продолжаютъ доходить сюда свѣдѣнія, что союзники готовятся къ штурму, и вчера узнали, что, будто, послано 4 тысячи кирасъ, въ которыя одѣть хотятъ штурмующія колонны; сообщаю какъ получилъ. Что-то мудрено, Мнѣ кажется, лѣзть на штурмъ въ подобномъ убранствѣ; да наши штыки съумѣютъ, и не смотря на кирасы, пересчитать имъ ребра!...

«Не медли наградами достойныхъ и старайся поддерживать этимъ духъ и соревнованіе всѣхъ. Увѣдомляй Меня чаще о происходящемъ; Я пробылъ опять 8 дней безъ всякихъ извѣстій».

4-го февраля. «Спасибо нашимъ молодцамъ саперамъ и минерамъ. Старый ихъ товарищъ радуется душевно ихъ успѣхамъ. Непонятно Мнѣ, что французы не заложили усиленнаго горна; и, не смотря на успѣхъ, надо сугубо быть осторожными. Богъ видимо помогъ, что при занятіи воронки, подъ сильнымъ огнемъ, потери у насъ не было; это просто чудо!»

10-го февраля. «Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ прибылъ, послѣ обѣда, флигель-адъютантъ князь Оболенскій. Душевно жалѣю о твоемъ нездоровьи, любезный Меншиковъ; надѣюсь, что Богъ сподобитъ тебя совершенно оправиться. Успѣхъ минныхъ работъ Мнѣ

очень пріятенъ; но надо продолжать быть осторожными, и потому хвалю, что принялись за обезпеченіе лѣваго фаса 4-го бастіона....

«Кажется, въ Евпаторіи собрались точно довольно значительныя силы. Ѳпасаюсь, чтобы Хрулевъ, при своей горячности, не предпринялъ того, что намъ дорого стоить будетъ безъ ощутительной пользы; ибо продолжаю думать, что мы въ городѣ, ежели и удастся взять, не удержимся отъ огня съ моря. Потеря наша будетъ навѣрно большая, а пользы немного. Казалось бы, вѣрнѣе ждать, чтобы Омеръ-паша высунулся, и тогда его атаковать во флангъ или тылъ. Исполнить это и легче, и гораздо вѣрнѣе; и ежели ловко сдѣлать, то можно будетъ его въ конецъ уничтожить нашею сильною конною артилеріею и конницей, безъ большихъ потерь....

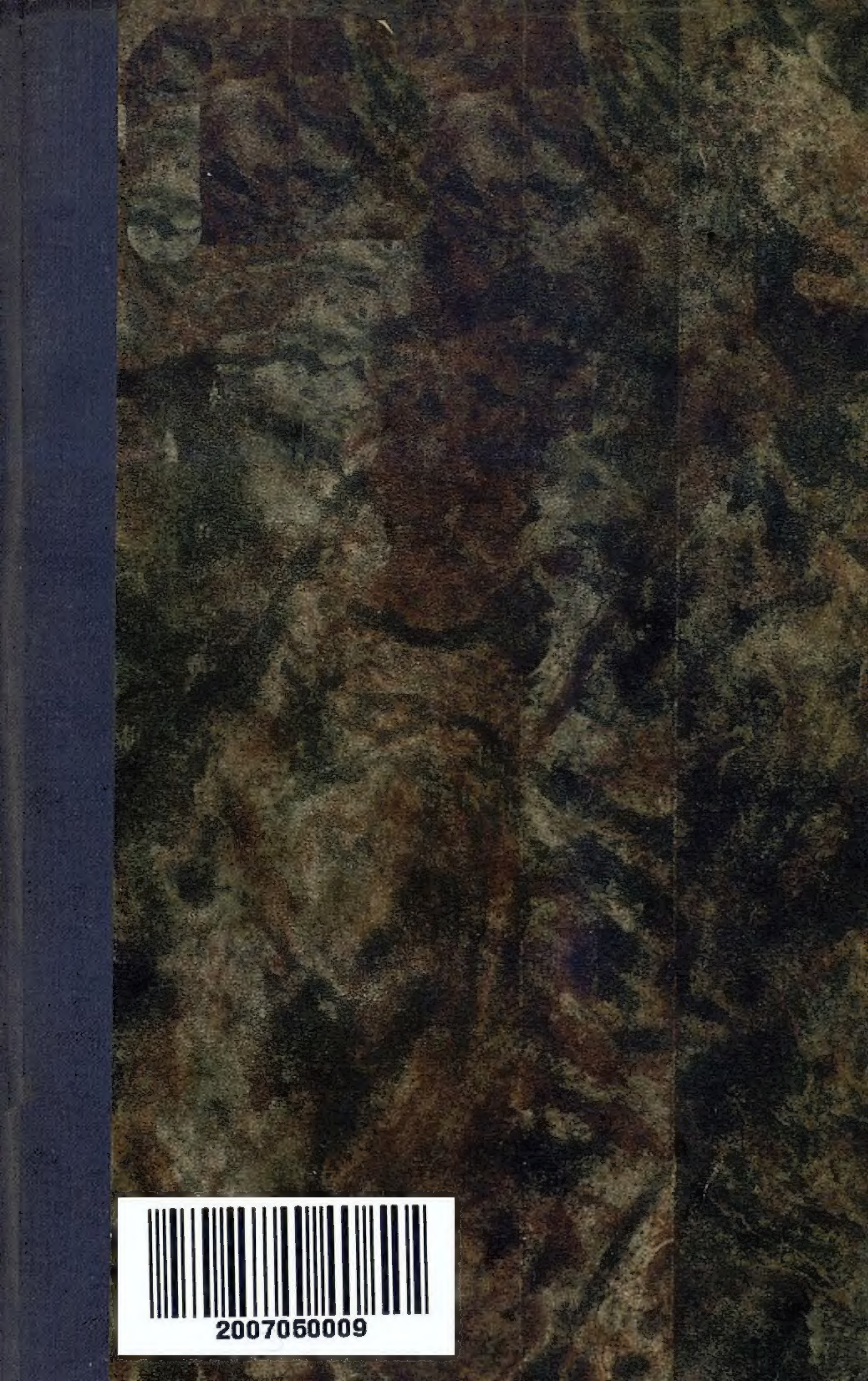
«Кажется по всему, что англичанамъ крайне худо; казалось бы, что атака на нихъ была бы легче другаго. Ежели французы ихъ вездѣ смѣнили, то они очень растянулись; не найдется-ли слабой точки, куда можно бы было къ нимъ вломиться?

«Вотъ покуда и все. Обнимаю, Богъ съ тобой и съ вами».

Это письмо было послѣднимъ, писаннымъ къ князю Меншикову собственноручно Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Неудача евпаторійской рекогносцировки, которую Онъ предвидѣлъ, потрясла Его здоровье, и черезъ недѣлю его не стало.

Но вдохновленный Имъ, Севастополь еще болѣе полугода отбивался отъ ожесточеннаго напора могущественныхъ враговъ, и среди неумолчнаго грома, обагряемый потоками крови, продолжалъ стоять въ дыму и пламени, какъ величайшій жертвенникъ, по истинѣ достойный и Царя, и Россіи!

***


2007050009